

УДК [346.22+261.7]“18/19”

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

И.С. Полищук¹, Г.С. Сергеев²

¹Общественная организация «Русские ученые социалистической ориентации»

²ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет»

Анализируются разнообразные факторы деятельности государства и церковных учреждений, политика по отношению к народному просвещению, взаимосвязь государственной власти и синодальной систем в укреплении устоев самодержавной монархии, проявление негативных коллизий в государственной политике и церковной деятельности.

Ключевые слова: самодержавие, Синод, суд, судопроизводство, догматы, клерикализм, полиция, жандармерия, просвещение.

По христианскому учению о государстве власть установлена от Бога. Апостол Павел проповедовал: «...противящийся власти, противится Божию установлению... отдайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» (Рим. 13. 2,7). Ту же мысль выразил апостол Пётр: «Будьте покорны всяческому человеческому начальству...», царю, правителям, «ибо такова есть воля Божия» (1 Пёт. 2.13).

Взаимоотношения между государственной властью и церковью составляют стержень политической системы Российского государства. Симфонический строй церковно-государственных отношений, пришедший из Византии, является одной из опор государства. Православная церковь, как вероисповедание, занимала господствующее положение по законам Российской империи.

При монархии власть остаётся богоданной и использует уже не столько духовный авторитет, сколько принуждение. Власть должна быть религиозно укоренённой. Сочетание элементов системы государственной церковности с наследием традиционно унаследованной от Византии симфонии составило своеобразие правового статуса православной церкви в России в синодальную эпоху.

Церковь как особый идеологический институт самодержавного строя (система государственного управления с неограниченной властью монарха – автократия), конечно, не могла оставаться неподвижной, в то время когда само самодержавие сделало первый шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Но церковь не шла по этому пути, образно говоря, тащила. В «эпоху великих реформ» (60–

70-е гг. XIX в.) она молча терпела происходившие в стране преобразования. Эта эпоха не выдвинула своего Феофана Прокоповича (1681 – 1736), выдающегося государственного и церковного деятеля, сподвижника Петра Великого, главы Учёной дружины. Зато наступившая полоса контрреформ (80–90-е гг. XIX в.) была воспринята церковью с восторгом, и вся высшая иерархия аплодировала своему светскому вождю К.П. Победоносцеву (1827–1907 гг.), обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода Русской православной церкви (РПЦ) – теоретику и вдохновителю контрреформ. Если в начале XIX в. церковь вошла в аппарат управления государством, то в конце века церковь в лице своего энергичного руководителя К.П. Победоносцева завоевала прочные позиции при решении принципиально важных вопросов внутренней политики. Так, клерикализация – стремление обеспечить первенствующую роль церкви и религии в политической и культурной жизни – коснулась всей внутренней политики самодержавия. В развитии церкви как организации во второй половине XIX в. можно выделить два этапа: первый – 60–70-е гг. и начало буржуазной революции страны (церковь нехотя ищет средства приспособления к новым условиям) которая длится и завершается в обстановке контрреформ; второй – начинается с 1 марта 1881 г., когда был убит Александр II и царём стал Александр III. Растерянность и вялость деятелей церкви сменяется бурной активностью, направленной на укрепление серьёзно пошатнувшихся позиций и авторитета церкви в русском обществе.

В 60–70-е гг. произошли некоторые изменения в русле буржуазных преобразований в самом духовенстве. Большинство их было по инициативе государства. Прежде всего, это размер направленных на преодоление замкнутости и корпоративности (обособленности) духовного сословия изменений, призванных в своей совокупности улучшить качественный состав духовенства. Перестал соблюдаться принцип наследственности «духовного состояния». В 1863 г. студентам духовных семинарий разрешили поступать в университеты. Это была по сути отдушина для юношей-семинаристов, не желавших быть священниками, в результате к 1875 г. среди студентов университетов страны 46% составили бывшие семинаристы. Церковное ведомство, ошеломлённое таким обстоятельством, добилось в 1879 г. отмены этого разрешения. В 1864 г. детям духовных лиц было разрешено поступать в гимназии, а в 1866 г. – в военные училища. Параллельно в 1867 г. было принято решение о том, что правом поступления в семинарии пользуются все без исключения приверженцы православия. Тем самым были сняты сословные ограничения при формировании кадрового состава служителей православного культа. С 1867 г. была формально ликвидирована наследственность приходов.

Всеми этими мерами преодолевались традиционно-феодалные черты формирования основного слоя духовенства, непосредственно соприкасающегося с многомиллионной массой крестьянства.

Синод замыслил пересмотреть систему подготовки священников. Был создан Комитет по учебно-духовной реформе, во главе с архиепископом Дмитрием Мурятовым, который изучал постановку дела духовных учебных заведений во Франции (хотя она была католической, а не православной страной). Затем Комитет уже во главе с митрополитом Арсением Москвиным добился того, что в 1867 г. царь утвердил новые штаты и уставы духовных училищ и семинарий, а в 1869 г. – духовных академий, на что была выделена государственная дотация в 1,5 млн рублей. Расходы на духовные учебные заведения с 2 млн рублей в 1855 г. выросли в 1880 г. до 5 млн рублей. Росли и государственные субсидии на содержание духовенства. Годовое жалованье сельского священника увеличилось и составило от 144 до 240 рублей, выросло и пенсионное обеспечение¹. Таким образом, законодательные акты 1869–1871 гг. практически увеличивали государственные расходы на содержание священно- и церковнослужителей.

Буржуазные преобразования не коснулись Святейшего правительствующего синода (руководящий орган всей деятельностью церкви во главе с правительственным чиновником – обер-прокурором), сохранившего существовавшие с 1721 до 1861 г. функции и аппарат. Синод лишь номинально числился высшим учреждением, фактически по своему значению он приближался к министерству. Изменения в пореформенном Синоде были направлены на усиление идеологического влияния церкви на народные массы. В 1885 г. в составе Синода учреждается Совет по церковно-приходским школам (ЦПШ) – орган надзора за этими учебными заведениями и управлениями. Епархиальным архиереям подчинялись средние учебные заведения – семинарии, духовные училища и низшие – приходские школы.

Обер-прокурор Синода в 1880-1905 гг. К.П. Победоносцев выступал как один из вдохновителей контрреформ 80-х – начала 90-х гг. Началось постепенное сползание от реформирования на путь контрреформ, что с особой наглядностью проявилось в вопросе о роли церкви в народном просвещении. 14 июля 1864 г. было учреждено положение о начальных народных училищах, где преподавались Закон Божий, чтение, четыре действия арифметики, церковное пение. Наблюдение за их работой осуществляли губернские и уездные училищные советы.

---

¹ Русское православие: веки истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 358–359.

Важнейшую роль в государственной политике царской России играл Синод. Он стал, по сути, одним из учреждений государственного аппарата. Между государством и церковными духовными ведомствами образовалась тесная взаимосвязь («симфония» церкви и государства). Синод оставался высшим законосовещательным, административным и судебным правительственным учреждением по делам церкви. Ещё в 1817 г. было создано Министерство духовных дел и народного просвещения. Оно ставило своей главной задачей подчинить просвещение церкви, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения»². Министерство объединило под главенством бывшего обер-прокурора и президента Библейского общества князя А.Н. Голицына (1773 – 1844), министра народного просвещения и духовных дел, – три разных самостоятельных ведомства: Синод, Главное управление духовных дел разных исповеданий и Министерство просвещения. Аппарат Синода подчинялся министру через департамент духовных дел. Этот опыт клерикализации просвещения был неудачным, повлёк за собой падение значения просвещения, вызвал внутриведомственную рознь чиновников просвещения и духовных лиц. В 1824 г. министерство было расформировано с выделением в самостоятельные ведомства его составных частей.

Чтобы усилить влияние церкви на народные массы, в 1884 г. были учреждены церковно-приходские школы. Правила 1884 г. передавали заведование ЦПШ в Синод. Кабинет министров «выразил единогласное убеждение, что духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведовании народными школами»³. К.П. Победоносцев 22 марта 1881 г. писал царю Александру III (1845–1894): «... в народном первоначальном образовании министерству народного просвещения необходимо искать главной опоры в духовенстве и церкви»⁴.

В каждой епархии заведование всеми ЦПШ и надзор за ними осуществлял епархиальный училищный совет, в составе местного духовенства и светских лиц в образовательных учреждениях.

Согласно «Правилам», ЦПШ были одноклассные с двухлетним сроком обучения и двухклассные – с четырёхлетним. В первых обучали детей молитвам (обращение к Богу с просьбой о ниспослании блага и

² Ерошин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 148.

³ Эвенчик С.Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. М., 1969. № 309. С. 275.

⁴ Русское православие: вехи истории. С. 366.

отвращении зла), священной истории, краткому катехизму (изложение вероучения), церковному пению, чтению церковной и гражданской печати и письму, начальным арифметическим правилам. В двухклассных, кроме перечисленных предметов, преподавалась история церкви и страны. За эти школы ратовал и «Правительственный вестник» от 15 мая 1891 г., а ведь главная задача их состояла вовсе не в обучении грамоте (в их программах отсутствовали предметные естествознанию), а в воспитании «богобоязненных». Однако усилия, направленные на то, чтобы полностью монополизировать начальное образование в руках духовенства, что означало, по словам А.Ф. Кони (1844 – 1927), «отдать умственное развитие простого русского народа в руки невежественного и ленивого, нищего и корыстолюбивого духовенства»⁵, не достигли своей цели: земские школы устояли, как и народные училища.

На приходское духовенство была возложена обязанность обучать крестьянских детей грамоте в церковно-приходских школах, находившихся на обеспечении епархии. Количество ЦПШ с 1860 по 1865 г. увеличилось на 37,8%, а количество учеников в них – на 32,4%⁶. Например, в Тверской епархии насчитывалось 714 школ, в которых обучалось 27 351 учащийся, из этого числа на ЦПШ приходилось 54,76%, учеников – 75,01%. Для народного просвещения вводились также школы грамотности, воскресные и земские школы. Первые два типа были школы с двух-трех месячным обучением, которое проводили «богобоязненные крестьяне», окончившие двухклассную ЦПШ, или дьячки (псаломщики – церковнослужители, помощники священника). Для этих школ Синод специально издал начальные уроки Закона Божия, Букварь церковно-славянского языка (на нём велось богослужение), Евангелие, Часослов (книга, содержащая псалмы, молитвы, песнопения и другие тексты), Псалтирь (книга молитвенных песнопений или псалмов). К примеру, в Тверской губернии насчитывалось 333 школы грамотности, в которых обучалось 6833 учащихся⁷.

В просвещении и образовании крестьянства доминировало религиозно-императивное и назидательно-верноподданническое начало, о котором говорили, и по возможности утверждали в народной жизни, обер-прокурор Синода Д.А. Толстой (1823–1910) и сменивший его на обер-прокурорском месте К.П. Победоносцев, а также председатель Совета министров С.Ю. Витте (1849 – 1915) и вся синодальная иерархия. Например, Д.А. Толстой видел цель народного образования в «воспитании юношества в духе истинной религии, уважении к правам собственности и соблюдении коренных начал (самодержавия)

⁵ Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб., 1912. Т.1. С.513.

⁶ Русское православие: веки истории. С. 364--365.

⁷ Полищук И.С. Православие и церковь в общественной жизни русской деревни (1917 - 1937 гг.) / под общ. ред. Г.С. Сергеева. Тверь, 2010. С. 267–268.

общественного порядка»⁸. К.П. Победоносцев считал главной задачей народного просвещения – «научить детей писать, считать и молиться Богу»⁹. Иначе говоря, и тот и другой предлагали дать первоначальные знания для чтения религиозно-нравственной (назидательной) литературы и для житейского крестьянского обихода, ибо повышение образования грозило, как думал Победоносцев, разрушением традиционных патриархально-консервативных структур и представлений «сельского мира». Поэтому главное место в крестьянском образовании отводилось ЦПШ.

Однако проблема народного просвещения так и не была решена. Всероссийская перепись 1897 г. показала, что 6% населения России было неграмотным (в начале 60-х гг. неграмотность достигала 94%)¹⁰.

Идея и практика клерикализации образования коснулась также средней и высшей школы. Прежде всего, было расширено преподавание церковных и богословских дисциплин как в государственной средней школе, так и в городских и земских четырехклассных училищах. В последних ученики зубрили катехизис, автором которого был московский митрополит Филарет (В.М. Дроздов, 1782 – 1867). Борьба с «базаровским» материализмом (см.: И.С. Тургенев. Отцы и дети) велась широким фронтом: в старших классах гимназии преподавалось догматическое богословие (доказывающее богоустановленность, истинность 12 основных догматов – о триединстве Бога, так называемое филиокве, боговоплощение, искупление, вознесение, крещение, бессмертие души и т.д.). В высших учебных заведениях для студентов православного вероисповедания был обязательный курс основного богословия (апологетика. То есть защита и оправдание вероучения, защита религии от материалистической и атеистической критики). Таким образом, объективная необходимость расширения доступа народа к знаниям наталкивалась на практику клерикализации школы.

В самом начале 80-х гг. церковь начала контрнаступление против тех прогрессивных изменений в стране, которые произошли в 60–70-е гг. Прежде всего, были пересмотрены все решения, касавшиеся церкви. В 1884 – 1885 гг. были восстановлены все 2 тыс. приходов, закрытых в 1869 г. Усилились административно-карательные права духовных консисторий (учреждений при архиепископе по управлению епархией), надзор и карательные меры в просвещении («крамолы» в виде свободомыслия и материализма, проникавших в учебные заведения).

Отсталая феодальная форма правления – самодержавие – не соответствовала экономическому строю России, вступившей в эпоху

---

⁸Там же. С. 267.

⁹Там же.

¹⁰Ерошин Н.П. Указ. соч. С. 244.

монополистического капитализма. Социальная база царизма продолжала сужаться. Крушение столыпинской аграрной политики подавало надежды на социальную опору самодержавия в деревне. Поиски дополнительной социальной опоры привели к ориентации на пёстрые в социальном отношении черносотенные элементы и организации. Крупнейшими из них были «Союз русского народа» с 1905 г. (с 1910 г. – два аналогичных «союза» – дубровинский и марковский), «Союз Михаила Архангела» (с 1908 г.). Их воззрения о незыблемости самодержавия и наследованных от XIX в. феодально-политических институтов, воинствующий национализм и православие стали составными элементами идеологии самодержавия.

Сужение социальной базы царизма, сохранение пережитков крепостничества, и прежде всего самого самодержавия и помещичьего земледелия («продуктов» феодальной эпохи), в новых условиях повлекло разложение и правящих верхов. В правящих верхах и государственном аппарате всё явственнее обнажались признаки упадка. Выявилась полная неспособность Николая II управлять государством (см.: М.К. Касвинов. Двадцать три ступеньки вниз). Авторитет царя и царской семьи пал. Мистико-религиозное настроение и появление при дворе различных авантюристов отталкивали господствующие классы. Скандальную славу приобрела близость к царской семье ловкого авантюриста Григория Распутина (Григорий Ефимович Новых, 1872 – 1916), крестьянина Тобольской губернии, получившего известность «прорицаниями» и «исцелениями» в среде церковной семьи и её окружения, слывущего за «ясновидца» и «святого человека», приобрел неограниченное доверие императрицы Александры Фёдоровны (Алиса Гессен-Дармштадтская)¹¹.

Разложение коснулось многих звеньев государственного аппарата, возросли глупость и произвол царской администрации, полиции и жандармерии (политической полиции), а также тюремных властей.

В России существовали высшие политические тюрьмы (Петропавловская, Шлиссельбургская и Дюнемюндская), находившиеся в составе Третьего отделения – органа политического надзора и сыска, состоявшие в ведении Штаба корпуса жандармов. Например, воспоминания заключённых Петропавловской крепости Шлиссельбурга, где условия во многом совпадали с монастырским затвором: запрет разговоров, скудная пища, одиночная камера и т.п., вплоть до обстановки, наводят на мысль, что для государственной тюрьмы образцом был монастырь, да и в самих монастырях были свои тюрьмы. Они находились в ведении Синода (так называемые «духовные

---

¹¹ Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983. С. 434.

тюрьмы»), в которых узники («еретики») молились десятилетиями (на Соловках, в Суздале и других местах). Они отличались особенно суровыми условиями содержания заключённых. Например, в Суздальской тюрьме при Спасо-Ефимиевском монастыре в период 1870 – 1901 гг. содержалось 160 заключённых. Так, «за расхождение по некоторым вопросам с учением православной церкви» священник Золотницкий находился в монастырской тюрьме с 1863 г. до дня смерти в 1897 г., т.е. 34 года, дьякон Добролюбов – с 1877 по 1904 г., т.е. 27 лет, и т.д. Это превышало даже сроки наказания, установленные уголовным законодательством за самые тяжкие преступления¹². У этих узников психический процесс переходил в настоящую духовную болезнь, часто с параноидальными признаками, что вело к изменению личности, снижению активности, эмоциональному опустошению (но этих, по сути уже больных людей, продолжали держать в тюрьме). Произвол тюремной администрации не знал границ.

В стране широко проводились внутривластные карательные мероприятия. Так, для борьбы с раскольниками (старообрядцами) был учреждён «секретный комитет о раскольниках и отступниках от православия», состоявший из духовных лиц и некоторых высших чиновников (министров – внутренних дел, народного просвещения, управляющего Третьим отделением). Этот комитет координировал меры церковных и гражданских властей в отношении старообрядцев. В 1874 г. комиссия Министерства внутренних дел (МВД) для выработки законоположения в отношении раскольников получила директиву следующего содержания: «Мероприятия правительства по отношению к раскольникам, хотя и не должны носить на себе характера преследования их, но в то же время не могут быть направлены к послаблению, а тем менее к покровительству раскола»¹³.

В структуре государственных учреждений МВД являлось важнейшим ведомством России, министры которого играли роль своеобразных «первых министров» самодержавной монархии. Например, его глава граф П.Н. Игнатьев с 1881 по 1882 г. свою деятельность направлял на то, чтобы «прикрыть отступление правительства к прямой реакции...»¹⁴ До конца XIX в. в ведении МВД находились основные тюремные учреждения. Их общее число возросло. Карательные мероприятия, направленные против рабочего протестного движения и прочей «крамолы», вызвали потребность в создании крупных тюрем, находившихся в центральном подчинении, – «централов»: Новоборисоглебского и Новобелгородского близ

¹² Гарнет М. Монастырские тюрьмы // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 192 – 207.

¹³ Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. СПб., 1901. С. 214.

¹⁴ Ерошин Н.П. Указ. соч. С. 208.

Харькова, Александровского близ Иркутска и др. После ликвидации Третьего охранного отделения в 1880 г. в ведение МВД попали политические тюрьмы – Петропавловская и Шлиссельбургская крепости. Закон 1900 г. расширил применение заключения в крепость.

Возросло значение каторги. Основным местом её отбывания по-прежнему оставалась Сибирь. Более совершенные пути сообщения (пароходные, железнодорожные) ускорили этапное продвижение в Сибирь ссыльных и каторжан. Наряду со старой группой каторжных тюрем Нерчинской каторги возникли каторжные тюрьмы в Якутской области и на Сахалине. В 1879 г. заведываемые местами заключения и пересылкой было выделено из департамента полиции и передано в Главное тюремное управление. Для заведования местными тюрьмами и надзора за ними с 1880 г. в губерниях создавались должности тюремных инспекторов. В 1895 г. все тюрьмы и тюремные инспекторы были переданы в ведомство Министерства юстиции. По его ведомству были приняты судебные уставы 1864 г., узаконившие в России новые буржуазные принципы судостроительства и судопроизводства. Суд в России был классовым судом. Все прокуроры судебных палат, 95% прокуроров окружных судов и 90% их товарищей (заместителей) были дворянами (остальные – выходцы из духовенства, буржуазии и чиновников). В структуре Министерства юстиции находились ведомственные суды, в которых рассматривались преступления духовенства. Духовные суды в структуре РПЦ судили и мирян по таким вопросам, как нарушение церковных догматов (основных положений вероучения, признаваемых непререкаемыми истинами), бракоразводные дела и т.п.

В начале XX в. в России по мере развития капитализма стало всё больше проявляться недовольство широких народных масс. Буржуазия, окрепнув экономически, также была недовольна своим устранением от политической власти. Правительство наряду с жестокими репрессиями против народных масс осуществляло политику лавирования и уступок. Под давлением революции 1905 г. оно обещало созыв нового высшего представительного законосовещательного учреждения. На заседании Совета министров 3 февраля 1905 г. был обнародован рескрипт (распоряжение) о разработке законопроекта по данному вопросу, 18 февраля он был подписан царем. В нём давались обещания «привлекать достойнейших, доверием народа облечённых, избранных от населения людей». Проект нового учреждения был принят, и 6 августа 1905 г. царь утвердил «Учреждение Государственной думы». Дума утверждала многочисленные законопроекты правительства, направленные на усиление администрации, полиции, жандармерии, увеличение ассигнований на строительство тюрем и др. Департамент полиции усилил субсидии черносотенным организациям. Эти крайне правые

организации в России в 1905 – 1917 гг. выступали под лозунгом монархизма, великодержавного шовинизма и антисемитизма, борьбы с «иноверцами» («Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела», «Союз русских людей» и др.). В период революции 1905 – 1907 гг. они поддерживали репрессивную политику правительства, устраивали погромы в Одессе, Иваново-Вознесенске, Ярославле и других городах, организовали убийства ряда политических деятелей. Так, Н.Э. Бауман, деятель российского рабочего движения, был убит 18 октября 1905 г. черносотенцем. Похороны 20 октября в Москве вылились в многотысячную политическую демонстрацию. В ответ правительство усилило карательные меры через Думу. Совет министров провел «чрезвычайные указы», которые носили ярко выраженный карательный характер.

Для укрепления позиции правительственного лагеря на выборах в IV Думу обер-прокурор Синода В.К. Саблер развил бурную деятельность: при Синоде было создано особое предвыборное синодальное бюро, а на местах – епархиальные избирательные комитеты. С одной стороны, привлечение духовенства для выборов в Думу являлось важным фактором укрепления монархии. С другой стороны, укреплению основ самодержавия способствовала деятельность правительства П.А. Столыпина (1862 – 1911), ознаменовавшаяся борьбой против массовых движений в стране, а также охраной интересов помещиков и буржуазии. Синодальные верхи, основная масса духовенства выражали те же интересы, что и государственная власть. Это означало дальнейшее укрепление и развитие союза государства и церкви («симфонии»), направленного на сохранение и упрочение основ самодержавного, по своей политической сути авторитарного, режима в России. Карательная политика в период с 1905 по 1914 г. сохраняется и даже усиливается. Например, для борьбы с аграрным движением, кроме существовавших уже исправников, станowych приставов, урядников и сельской полицейской стражи, закон от 10 апреля 1905 г. «Об имущественной ответственности сельских обществ и селений, крестьяне которых приняли участие в аграрных беспорядках» создавал временные уездные комиссии, на которые возлагались следственно-карательные функции – выявление степени участия в аграрном движении крестьян и привлечение их к ответственности. Министерство юстиции рядом административных мер реорганизации приспособило судебный аппарат России к ведению политических процессов и сблизило суды с жандармерией и охранными отделениями в центре и на местах. Значительно усиливается и тюремный аппарат, возрастает значение административной ссылки. Были приняты «Временные правила об обществах и союзах» (март 1906 г.). Был учрежден политический надзор и цензура за деятельностью обществ и союзов, регистрация их

программных документов и уставов, контроль за их работой в губерниях.

По указу 19 августа 1906 г. генерал-губернаторы и главнокомандующие политики получили право в тех случаях, когда «учинённые лицом гражданского ведомства преступные деяния являются настолько очевидными, что нет надобности в их расследовании», учредить военно-полевые суды (своего рода «пятёрки», состоящие из председателя и четырёх членов – офицеров армии и флота). Дела, попавшие в военно-полевой суд, рассматривались в течение двух суток при закрытых дверях, без форм судопроизводства, а решения сразу же вступали в силу и приводились в исполнение. Основной мерой наказания этих судов была смертная казнь через повешение или расстрел. За 6 месяцев действия военно-полевой юстиции было предано смертной казни больше лиц, чем за всё время с 1825 по 1905 г.¹⁵

Военно-полевые суды как форма грубой военной расправы вызвали возмущение во всех слоях населения. Правительство было вынуждено упразднить военно-полевые суды, которые фактически существовали до 20 апреля 1907 г. В условиях революции судебная расправа осуществлялась или в обычном судебном порядке или с помощью военно-окружных судов. Все формальности производства дел по политическим преступлениям в военно-окружных судах законом 27 июня 1907 г. были резко сокращены, что обеспечивало быструю и суровую судебную расправу. За годы первой революции (1905 – 1907 гг.) эти суды осудили до 10 тыс. человек за государственные преступления. В течение 1907 – 1908 гг. в стране было вынесено более 26 тыс. приговоров по политическим делам, к смертной казни было приговорено 5086 человек, в 1909 г. в тюрьмах томилось 170 тыс. человек. В одной из листовок, выпущенной в начале 1908 г., говорилось: «Снова нас душат генерал-губернаторы и губернаторы, жандармы, полицейские, министры... Виселицы и пули, тюрьма и каторги – вот вам "неприкосновенность личности"»¹⁶.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в России усилилась деятельность карательных звеньев государственного аппарата самодержавной монархии. Государственная власть вступила в прямой союз с церковью, образовав единый механизм функционирования государства и церкви.

Реформы 60–70-х гг. обусловили процесс движения самодержавной монархии по пути к буржуазной монархии,

---

¹⁵ Там же. С. 288.

¹⁶ Первая русская революция. 1905–1907 гг.: сб. ст. / под общ. ред. акад. А.М. Панкратовой. М., 1955; Ерошин Указ. соч. С. 288.

выразившийся в следующих специфических чертах: в изменении социальной опоры (опора на помещиков и верхи торгово-промышленной буржуазии, поиски в деревне в лице кулачества) и в парламентаризме (Государственной Думы и реформированного Государственного Совета и «правительственного кабинета» – Совета министров). Важнейшим учреждением государственной власти являлся Синод и разветвлённая система епархиальной, уездной и приходской структуры управления, а также общественных и религиозно-церковных организаций. Всё это вместе взятое создавало форму общественного устройства, построенного в том числе на религиозных факторах, идеологической, мировоззренческой основы функционирования государства. Однако новые социальные условия усиливают «охлаждение» к церкви. Участились случаи массовых отказов от исповеди (покаяния). Например, в приходе с. Дмитровского Звенигородского уезда Московской губернии в донесении начальству священником сообщалось, что из числа 1085 человек (мужчин и женщин) прихожан исповедалось лишь 19,7%, остальные 80,3% исповедь игнорировали, оправдываясь «недосугом». Таких фактов множество по епархиям России¹⁷. Они говорят о росте религиозной индифферентности, т.е. безразличии, равнодушии, как одной из форм свободомыслия в отношении к религии, что составляло большие трудности церкви в борьбе с этими явлениями. Это обстоятельство признавал и обер-прокурор К.П. Победоносцев¹⁸. В «Московском сборнике», изданном Победоносцевым, он писал о «множестве затерянных в глубине лесов и в широте полей, наших храмов, где народ тупо стоит в церкви, ничего не понимая, под козлогласование дьячка или бормотание клирика, причём не церковь повинна в этой тупости и не бедный народ повинен – повинен ленивый и не смыслящий служитель церкви; повинна власть церковная, не внимательно и равнодушно распределяющая служителей церкви, повинна по местам скудность и беспомощность народа»¹⁹. Это написал обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев. Картина нарисована убедительная, но причины, породившие её, куда глубже, чем те, которые отмечены сборником; к закату клонилась вся самодержавная система, составной частью которой была церковная организация.

В 1854 г. немецкий мыслитель Карл Генрих Маркс (1818–1883) писал: «В Византийской империи государство и церковь были так тесно переплетены, что невозможно изложить историю первого, не излагая истории второй. В России наблюдается такое же отождествление, хотя,

¹⁷ Православие: вехи истории. С. 372–375.

¹⁸ Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. С. 190.

¹⁹ Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1896. С. 14–15.

в противовес тому, что имело место в Византии, церковь превращена в простое орудие государства, в инструмент угнетения внутри страны и захватов во вне»²⁰. Процесс по инкорпорированию продолжался во время второй половины XIX и в начале XX в. в России такими темпами, что внешнее могущество церкви, её материальные богатства, блеск и пышность церковных зданий, службы, определяющие влияние церкви на народное просвещение, создавали впечатление её возросшей силы, но эти же факторы не только не могли удержать, а, наоборот, ускорили рост духовной нищеты церкви, усугубляли эрозию веры в сердцах многомиллионной её паствы, бившейся в тисках социально-экономического и политического строя царской России.

Список литературы

1. Гарнет М. Монастырские тюрьмы // Религия и церковь в истории России. М., "Мысль", 1975.
2. Ерошин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб и доп. М., 1983.
3. Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб., 1912. Т.1.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 10.
5. Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983.
6. Первая русская революция. 1905–1907 гг.: Сб. ст./ под общ. ред. акад. А.М. Панкратовой. М., 1955.
7. Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1896.
8. Полищук И.С. Православие и церковь в общественной жизни русской деревни (1917 –1937 гг.) / под общ. ред. Г.С. Сергеева. Тверь, 2010.
9. Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901.
10. Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989.
11. Эвенчик С.Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Учён. зап. Моск. гос. пед. ин-та. М., 1969. № 309.

---

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 10. С. 130–131.

**STATE AND CHURCH
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY AND IN THE
BEGINNING XX CENTURY**

I.S. Polischuk¹, G.S. Sergeev²

¹Public Organization «Socialistically oriented Russian Scientists»

²Federal State Budgetary-Financed Educational Institution of Higher Professional Education Tver State University

Various factors influencing the activity of state and different church establishments are analyzed, as well as public education policy, interrelation between the state authority and Synodal system in the strengthening of the foundations of the autocratic monarchy, manifestations of negative collisions in the state policy and church activity.

Keywords: *autocracy, Synod, court, legal procedure, dogmas, clericalism, police, gendarmerie, education.*

Об авторах:

ПОЛИЩУК Иван Спиридонович – канд. ист. наук, доцент, член общественной организации «Русские учёные социалистической ориентации» (170039, г. Тверь, ул. Фрунзе, д.8, корп. 1), e-mail: capitan@tvcom.ru.

СЕРГЕЕВ Геннадий Степанович – д-р ист. наук, профессор кафедры теории права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru